

Ты не разбираешься в людях, впустил волка в овечью шкурку, — произнес Се Шигуань, небрежно перебирая разложенные на полке орудия пыток. — Если выражаться мягко, ты глуп и бесполезен. Если же прямо — ты давно затаил против меня зло.

Две эти фразы, брошенные им вскользь, заставили Шэнь Цюэ содрогнуться. Небеса обделили его разумом, лишив способности подбирать складные слова, и теперь, как он ни старался, мог лишь беспомощно поднять руки:

— Ваше Высочество, я не...

Он был предан Вашему Высочеству всем сердцем, и светлая луна была тому свидетелем. Даже если бы ему пришлось пройти сквозь горы ножей и моря огня, он ни за что не решился бы предать Се Шигуаня.

— Лин-эр... она никогда не гнушалась тем, что я немой. В этой резиденции только она да Шэнь Ло хотели со мной разговаривать, — с трудом жестикулируя, объяснял Шэнь Цюэ. — Я думал, я думал, что она...

Что она искренне ко мне относится.

Он опустил голову, но в глазах Се Шигуаня это выглядело как жалкое уныние влюбленного глупца, отчего становилось лишь противнее. За эти годы Шэнь Цюэ повидал немало прекрасных и утонченных людей в свите Ванъе, так как же он мог запасть на такую заурядную девицу с гнилым нутром? И, судя по его виду, чувства были самыми настоящими.

Шэнь Цюэ склонил голову, прижавшись щекой к холодной плитке пола. Через приоткрытую боковую дверь он видел холодный, резкий профиль Ванъе. Се Шигуань небрежно взял в руки железную плеть с крючьями и взвесил её. Плеть была тяжелой, и после нескольких ударов такими крючьями от кожи и плоти мало что осталось бы.

На пятидесятом ударе Шэнь Цюэ наконец рухнул без чувств.

— Ваше Высочество, — Шэнь Сянчжи склонился в поклоне. — Шэнь Цюэ хоть и провинился, но он старый слуга княжеской резиденции, он прошел с Вами долгий путь. Парень он простой, и предательство ради собственной выгоды ему чуждо.

Се Шигуань, казалось, прислушался. Шэнь Сянчжи тут же воспользовался моментом, взял кожаную плеть и заменил ею железную в руках Ванъе.

На сорок девятом ударе Шэнь Цюэ, не в силах больше терпеть, слегка подался вперед. Кадык дернулся, он сглотнул кровь, рвавшуюся наружу — боялся испачкать белый нефрит пола.

— Пятьдесят ударов, — равнодушно произнес Ванъе. — Считаю, что это в награду за твою многолетнюю службу.

Шэнь Цюэ, преодолевая боль, стиснул зубы. На висках и тыльных сторонах ладоней вздулись вены, уголки глаз покраснели, но он не издал ни звука, лишь тяжело дышал. Се Шигуань заложил руки за спину и холодно хмыкнул. Шэнь Цюэ чувствовал, как рот и нос наполняются запахом крови.

Он стоял на коленях, выпрямившись, позволяя Шэнь Сянчжи наносить удар за ударом. Шэнь Сянчжи продолжал убеждать:

— Если пустить в ход ту плеть с крючьями, то даже человек из стали превратится в месиво. Княжеская резиденция не держит отбросов, тем более что Ваше Высочество вложили в Шэнь Цюэ немало сил. Не лучше ли сохранить ему жизнь, чтобы он мог искупить вину службой?

Вскоре на спине Шэнь Цюэ проступили кровавые полосы, из ран сочилась кровь, мгновенно пропитывая нижнюю рубаху. Кровавая дымка, казалось, висела в воздухе, поднимаясь вслед за длинной плетью. Се Шигуань молчал, лишь бросил плеть Шэнь Сянчжи, а сам сел на почетное место, всем своим видом показывая, что намерен наблюдать за экзекуцией до конца.

Ванье сидел во главе, и хотя Шэнь Сянчжи старался бить мягче, он не смел переусердствовать, поэтому каждый удар все равно оставлял рваные раны. Сейчас только он мог просить о милости, и только он осмеливался это делать.

Видя это, Шэнь Сянчжи снова шагнул вперед:

— Ваше Высочество, этот глупый ученик воспитан мною лично. То, что он совершил такую ошибку — моя вина, я плохо его наставлял. Позвольте мне самому исполнить эти пятьдесят ударов, чтобы не утруждать Вас.

Шэнь Цюэ поклонился до земли, выражая благодарность. Стоявший рядом Шэнь Сянчжи тут же подошел ближе. Когда император выбрал его в слуги к Се Шигуаню, юный Ванье был ещё совсем крохой. И каким бы непредсказуемым он ни казался сейчас, в детстве он был обычным ребенком.

На сорок седьмом ударе Ванье поднялся и вышел из главного зала резиденции. Он выбрал оружие пытки, но потом счел его слишком тяжелым, однако, раз уж приказал принести — отступить было неловко. Се Шигуань даже не взглянул в сторону Шэнь Цюэ и через несколько шагов скрылся из виду.

*

Когда Шэнь Цюэ открыл глаза, наступили сумерки следующего дня. Спина болела и ныла, любое движение отдавалось острой болью. Хорошо, что раны были только на спине, поэтому лекарю пришлось снять лишь верхнюю одежду, не трогая штаны, иначе Шэнь Цюэ вряд ли выжил бы.

Он лежал на животе и тихо стонал, как вдруг слышались шаги и скрип открываемой

деревянной двери. Шэнь Цюэ повернул голову и увидел Шэнь Ло, который, прихрамывая, вошел в комнату с двумя свертками лекарств.

— Очнулся?

Опасаясь потревожить раны на спине, Шэнь Цюэ лишь слегка кивнул.

— Учитель заходил проведать тебя, сказал, что ты ещё спишь... — Шэнь Ло придвинул табурет, собираясь сесть, но, едва коснувшись его, вскрикнул и подскочил обратно.

Несмотря на это, Шэнь Ло бодро улыбнулся:

— Похоже, братец пришел вовремя.

Шэнь Цюэ с беспокойством посмотрел на ноги Шэнь Ло.

— Ничего страшного, — заметив его взгляд, отмахнулся тот. — У твоего брата шкура толстая, что значат десять палок? К тому же в Управлении наказаний все свои, они только с виду бьют страшно, а костей не ломают. Пара дней — и как новенький. А вот твои пятьдесят ударов — это уже серьезно.

Шэнь Цюэ с трудом приподнялся и слабо жестикулировал:

— Зачем ты ударил меня тогда?

Хотя движения были слабыми, в глазах Шэнь Цюэ читался гнев. Шэнь Ло, чувствуя вину, отвел взгляд:

— У тебя вся спина в ранах, нечего руками махать. — Он перевел тему: — Кстати, это лекарство, которое велел принести учитель. Он купил его на свои деньги, самое лучшее. Вчера, когда ты был без сознания, мы его уже использовали, пора менять повязки. Давай, я помогу...

Шэнь Цюэ уставился на него, повторяя вопрос:

— Зачем ты ударил меня?

Шэнь Ло промолчал, делая вид, что не замечает немого, и потянулся менять повязки. Шэнь Цюэ, не обращая внимания на боль в спине, схватил его за запястье:

— Шэнь Ло!

Он всегда был спокойным, и за все годы знакомства Шэнь Ло редко видел его в гневе. В конце концов, он сдался и тяжело вздохнул.

— Если бы я не ударил тебя, ты бы умер, — ответил Шэнь Ло вопросом на вопрос.

Шэнь Цюэ:

— Это моя вина, я сам во всем виноват, не нужно было...

Не успел он закончить, как Шэнь Ло перебил его:

— Я твой старший брат, мне виднее, что правильно, а что нет. Ты ещё учить меня будешь?

Шэнь Ло терпеть не мог, когда тот заводил эту шарманку, и невольно разозлился:

— Если бы вчера учитель не взял плетёвку в свои руки, выжил бы ты после пятидесяти ударов? К счастью, Ваше Высочество ещё помнит о бывшей привязанности и вовремя распознал истинную сущность Лин-эр. А иначе, соверши ты такую беду, тебе бы и десяти жизней не хватило!

Выпалив это на одном дыхании, он почувствовал облегчение, но, взглянув на бледное лицо Шэнь Цюэ, понял, что перегнул палку. В деле с Лин-эр нельзя было винить одного лишь Шэнь Цюэ — даже он сам не заметил подвоха, что уж говорить о простодушном Шэнь Цюэ.

— В этом и моя вина, — тон Шэнь Ло стал тише. — Если бы я раньше разглядел гнилое нутро этой девки, она бы не смогла ничего сделать.

Шэнь Цюэ был медлительным, но Шэнь Ло — совсем наоборот, он с детства умел читать людей. Лин-эр всегда была рядом с Шэнь Цюэ, говорила, смотрела — в её глазах светилась такая искренность, что даже он поверил, будто она правда равнодушна к Шэнь Цюэ. Либо он ошибся в человеке, либо эта девка была невероятной актрисой.

Видимо, спина разболелась сильнее, Шэнь Цюэ выглядел совсем поникшим. Он слегка коснулся тыльной стороны ладони Шэнь Ло и убрал руку.

— Брат, — произнес Шэнь Цюэ, — не вини других.

Шэнь Ло увидел его печаль и замолчал. Молча размотал бинты и привычными движениями наложил лекарство. После он разжег угли, приоткрыл окно и поставил чайник с водой на печь.

Глядя, как Шэнь Ло хлопочет, Шэнь Цюэ почувствовал тяжесть на сердце. Он попытался сползти с кровати:

— Не утруждайся, я сам.

— Опять за старое? — Шэнь Ло налил кипятка в чайник и прижал его обратно к кровати. — Какое утруждение? Я твой брат. Если бы здесь лежал я, ты бы точно так же ухаживал за мной, понял?

Шэнь Цюэ долго смотрел на него, прежде чем прошептать два слова без звука:

— Спасибо.

Раньше Ванье не понимал его жестов, поэтому Шэнь Цюэ приходилось учиться имитировать движения губ, но это были лишь короткие фразы, которые приходилось подкреплять жестами, иначе Ванье ничего не мог разобрать.

Шэнь Ло налил воду в фарфоровую чашку, чтобы остудить, и проворчал:

— Какое ещё спасибо.

Шэнь Цюэ искренне ответил:

— Спасибо, что спас мне жизнь.

— Хватит разводить сопли, — Шэнь Ло отвернулся, делая вид, что ему тошно, но в глазах его была улыбка. — Мне пора идти. Пока тебя нет, мы по очереди прислуживаем Вашему Высочеству.

Шэнь Цюэ жестом показал, чтобы он уходил. Перед выходом Шэнь Ло обернулся. После вчерашней порки губы Шэнь Цюэ были совсем белыми, а сам он выглядел изможденным. Шэнь Ло знал, как ему больно — ресницы дрожали, но он все равно пытался улыбнуться. При улыбке на левой щеке проступала неглубокая, едва заметная ямочка.

— Отдыхай, — сказал Шэнь Ло перед тем, как закрыть дверь. — Зайду позже.

Шэнь Цюэ кивнул.

<http://bllate.org/book/20258/2020485>